

• Памятники Тверской провинции

ЗНАМЕНИТОМУ ЗЕМЛЯКУ

21 апреля 2011 года в селе Хотилицы Андреапольского района состоялось торжественное открытие бронзового бюста-памятника А.П. Александрову (1906-1981гг.), – видному инженеру-гидростроителю, дважды Герою Социалистического Труда, кавалеру 4-х орденов Ленина, орденов Трудового Красного знамени, Октябрьской революции, Дружбы народов, заслуженному строителю РСФСР.

Бронзовый бюст А.П. Александрову был установлен почти 30 лет назад (27 октября 1981г.) за поистине огромные заслуги перед страной. На счету Александра Александрова множество объектов, которые служат людям и по сей день: автодорога Москва — Куйбышев, Волго-Донской судоходный канал, Цимлянский гидроузел, Усть-Донецкий портал, Волжская ГЭС им. Ленина, Асуанская плотина в Египте, плотина в Сирии, гидроэлектростанция во Вьетнаме.

Но в 2006 году случилось варварское событие: неизвестные злоумышленники похитили бюст нашего земляка. Однако он вновь был восстановлен.

В селе Хотилицы Александр Петрович Александров родился и провел детство. Этот замечательный человек, отдавший всю свою жизнь титаническому труду, – гордость не только села Хотилицы, но и всей Тверской области.

«СЛЕДЫ НЕЗАЖИВАЮЩИХ МГНОВЕНИЙ...»

Евгений АРТЮХОВ

г. Москва

Родился в 1950 году в подмосковном городе Реутово. Учился в Московском институте химического машиностроения, окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Саратовское высшее военное командное училище МВД СССР им. Ф. Дзержинского. Сорок с лишним лет работает в военной печати, двадцать из которых возглавлял отдел литературы журнала внутренних войск МВД России «На боевом посту», где и ныне является обозревателем. Полковник в отставке. Заслуженный работник культуры РФ. Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, писал из многих «горячих точек». Автор четырнадцати поэтических книг. Лауреат литературных премий им. А. С. Грибоедова, К. М. Симонова, премии МВД РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Живет в Москве.

Несколько лет вел мастер-класс на поэтическом фестивале «Каблуковская радуга».

* * *

Помыкался по свету,
не за горой черед,

когда уже к ответу
Всевышний призовет.

Нигде не отличился
и не на что пенять.
Полжизни жить учился,
Полжизни – умирать.

* * *

Не нужны мы ни чёрту, ни Богу,
и чем дальше, тем это ясней.
Оттого и гляжу на дорогу,
как собравший манатки еврей.

Может, взять да махнуть, в самом
деле,
прочь от вечных разборок и бурь –
ведь глаза бы мои не глядели
на родную российскую дурь.

Раскручу запылившийся глобус.
Прошепчу: «До свиданья,
Москва...»

И примчит меня чинный автобус
прямоком в Шереметьево-2.

Стюардесса проверит билеты,
оживёт маячок на крыле...
Но окажется, что, кроме этой,
нет земли для меня на Земле.

Путь на север заступят деревья,
и, как мама, взойдёт на порог
горевая тверская деревня:
«Ты почто нас бросаешь, сынок?»

Я склонюсь с этой думою тяжкой,
я на юг погляжу.
Сквозь туман
мне с Тамани прадедовой шашкой
пригрозит Артюховский курган.

(продолжение на стр. 2).

(начало на стр. 1).

И порву я заморскую визу,
снова баксы сменю на рубли,
жизни прежней поблекшую ризу
отряхну от золы и пыли.

Позабуду про сладкие бредни,
нахлобучу ушанку на лоб
и пойду занимать свой последний,
свой кровавый российский окоп.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

...И памятники сходят с пьедестала
Е. Винокуров

Лет пятьдесят или поболее,
в какой-то юбилейный год
воздвигнут по народной воле
солдат.

А где теперь народ?

И вот спустился с пьедестала
герой гвардейского полка:
неужто слава отсияла,
которой прочили века?

Громоздким стукотя металлом,
прошёлся вымершим селом
и никого не увидел он
ни за столом, ни под столом.
Чем в землю вглядывался строже,
землистей делалось чело,
окалина ползла по коже,
глаза посверкивали зло.

Чугунно грохотало сердце
в просторе брошенных полей:
затем ли гнал отсюда немца
он, крови не щадя своей?

Ну как могли заглухнуть дали,
перетерпевшие бои?
Неужто землю добывали
свои?

А где теперь свои?..

* * *

Нет дома, где родился,
нет школы, где учился,
нет роты, где служил,
страны, в которой жил.

Лишь холм от церкви с краю,
где спят отец и мать,
ещё мне помогает
себя не потерять.

* * *

Это чудо создал не Господь.
Не поймёшь – полужверь,
полуптица? –
под юпитеры выставив плоть,
голосит на подмостках певца.

А в ответ у неё за спиной
жжёт и жарит подпевка – до дрожи.
Только ритм – не людской, не
земной –
выгибает тела и корёжит.

Нету силы глядеть до конца
и людское искать в этом сраме...
Это воют пустые сердца,
словно ветры в разрушенном
храме.

* * *

Приехал брат мой из села,
пожил и загрузил.
Сказал, что ждут его дела,
довольно, погостил.

Сказал, пора стелить в хлеву,
латать крыльцо и клеть.
Сказал, что высоко живу –
земли не разглядеть.

* * *

Я красил дом: облешее крыльцо,
косую шелушащуюся раму
и видел то умершего лицо,
то выросшего детскую панаму.

Угасший свет полузабытых дней
и нервный скрип разошедшихся
ступеней

отыскивали в памяти моей
следы незаживающих мгновений.

Всё, что ушло, утихло, улеглось,
с годами потеряло очертанья,
под кистью оживая, растеклось
горчаще-сладкой болью обожанья.

И тёмные отжившие слои
всё зримее являли, проступая,
мальчишеские мечтания мои
в цветах коммунистического рая.

Не дом я перекрашивал, но мир,
не изменяя ничего по сути,
непросто находя ориентир,
чтоб уцелеть в безверии и смуте;
ещё не понимая до конца,

как просто стать сегодня блудным
сыном,
по следу крови деда и отца
слегка пройдясь копеечным
кармином.

* * *

Разлюби меня, Муза печали.
Полюби меня, Муза любви,
на осклизлом житейском причале
мой оставшийся путь присоли.

Чтоб глубокие раны открылись
и мальчишеской болью ожгли,
чтобы старческой жизни
бескрылость
на свои не толкала угли.

И хотя моя песенка спета,
не достигнув заветных вершин,
понял я, как с призванием Фета
изводился помещик Шеншин.

Знаю я, как страдает чинуша,
ощутив романтический хмель,
как живую открытую душу
заточают в глухую шинель.

Оттого ничего мне не страшно,
ни кола у меня, ни двора...
Если б только из жизни вчерашней
ты какой-нибудь знак подала.

* * *

Навалились сумерки до срока,
а как будто не было тепла.
На хвосте болтливая сорока
в дальний ельник лето унесла.

И пошли от мала до велика
с кузовками в дальние места,
вызревшую крупную бруснику
доят из-под каждого листа.

Наберу и я своё лукошко –
от хвороб и всяческих невзгод.
Ягода горчит ещё немножко,
ягода кислит ещё немножко, –
благо, что не связывает рот:

– Ой, брусника, красный пламень,
милки нет – на сердце камень.
– По лесам, где лето вянет,
ходит милка и не взглянет.
– Ноет сердце – вот досада.
Не люби, кого не надо.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь)-№23 (март);

Письмо пятнадцатое

ПРОСТИ, Бога ради, что так долго молчал. Совесть мучила, но в голове был один огород, пчелы, картошка. Приехали мама, дети, внуки, и, начиная с конца апреля, все завертелось. Да, бабульки мои вдруг начали все болеть давлением. Нам ведь кажется, что мы все еще ого-го, а мы-то немудомолимо стареем и каждый рано или поздно подойдет к порогу, за которым нет ни суеты, ни огорода.

А пока после зимы и относительно покоя все бросились на землю, и сразу заломили радикулиты, заболели головы от нагрузок и забот. Да ты сам знаешь. Ну и наша Сачиха посадила под лопату «полигон» картошки, вечером «скорая», а утром уже на озере рыбачит. Некогда! Вторую соседку «завернул с дороги к кладбищу» четырьмя уколами.

У нее уже и пульса не было, а через день и она потихоньку сажала огород и складывала дрова, ругаясь на кур: «Передавила бы вас всех, умереть не дают»...

Так что, не обессудь, что молчал. Жизнь наша меняется, заботы одни и те же, то, что нам без конца обещают прибавить то пенсию, то зарплату, стало привычным фоном, т.к. все давно уловили момент, что до того, как прибавят денег, прибавляют цены, и все го-

Письма сельского почтальона

дами стоит на одном месте. Цены на муку, хлеб, сахар поползли навстречу «высоким гостям».

Мне кажется, что всем с детства надо объяснить, что всегда за все реформы, за войны, за повседневную жизнь небольшой прослойки людей платит народ своим горбом. Уяснить и не метаться. Ну, да ладно. Это проблемы не наши, а политологов, социологов, референтов, и пр.

Деревня-то наша умирает у меня на глазах. Лес придвигается все ближе и ближе, поля сокращаются со все нарастающей быстротой. Огороды тех, кто «ушел», заросли лебедой и полынью в человеческий рост. Обочину уже никто не косит. Остро стоит проблема дров. Сил ни у кого нет, привезти из леса не на чем, и решить этот вопрос некому. Тупик.

Соседке моей, учительнице, сельсовет обязан предоставить дрова, и сколько я ни говорю главе нашей администрации, все как «вода в песок». Это все обычный круг забот. Наша повседневность. А рядом самая короткая ночь и самый длинный день, и лето пошло на убыль. Неумолимый солнцеворот, которого никто за повседневностью и не заметил, повел нас обратно. Так и проходит год за годом, день за днем твоя жизнь. А перед носом дожди заливают картошку, ложится трава на покосе, переполненная водой, и это сейчас занимает все мысли, сквозь которые пробивается звон с колокольни зовущий подумать и о душе... Кстати, прости Господи, о душе. Был на Обретенке в Ниловой Пустыни. Приехал приятель и забрал нас с женой на праздник. Выехали вечером в Осташков. Переночевали и рано утром были на месте. Поклонились мощам. Вот и есть теперь, что вспомнить в серой пелене будней.

Сашенька, дорогой, как подумую о жизни, о том, что вокруг нас, что уже прошло и не вернешь, о том, как скачет время и становится

грустно не за себя, нет, за подрастающих внуков, за выдыхающихся на дистанции детей. И от того, что упустил поставить семью в свое время на правильную дорогу. Как уже сейчас, понабравшись ума, опыта, синяков и шишек, понимаешь, что все те апостольские правила и советы мудрых старцев вырабатывались вековым опытом на пути к истине к Господу нашему. При рождении человеку дается как бы строительный материал, и что он из него построит (храм или сортир) - зависит от него. А что мы? Кто из нас серьезно относится к жизни? Где эти образцы? Любой человек, делающий попытку встать на правильную дорогу и делающий истину главной целью, прекрасно понимает, что ему с этим миром не по пути.

Компромиссы здесь невозможны, и все попытки гнаться за двумя зайцами кончаются катастрофой. И вся демагогия по этому поводу - пустой звук. Те, кто понимают это во всей полноте, как правило, находятся в том возрастном состоянии, которое не соответствует «современному» пониманию, и им остается только грустить и вздыхать, видя, как их дети упорно лезут в ту же ловушку, из которой они за нами наблюдают. Это вечная проблема, неизбывная, так сказать.

Если ты хочешь полно прожить жизнь, насыщенно, цельно, наполнив ее время самым целесообразным образом, надо жить очень тщательно. Позволь привлечь себе в помощь Александра Ельчанинова, священника, окормлявшего нашу эмиграцию, большого мыслителя, авторитет которого признавали и о. С. Булгаков, Флоренский, Свенцицкий и другие. Отец Александр говорит: «Наша постоянная ошибка в том, что мы не принимаем всерьез данный, протекающий час жизни,

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

что мы живем прошлым или будущим, что все мы ждем какого-то особенного часа, когда наша жизнь развернется во всей значительности, и не замечаем, что она утекает, как вода между пальцами, как драгоценное зерно из плохо завязанного мешка. Постоянно, ежедневно, ежечасно, Бог посылает нам людей, обстоятельства, дела, с которых должно начаться наше возрождение, а мы их оставляем без внимания и этим ежечасно противимся Божией воле о себе.

Что можно сказать в дополнение к этому? Просто все упирается в то, что этим истинам надо учить с детства с самого раннего возраста. Воспитывать и ставить душу в ребенке так же, как юному пианисту ставят руки с раннего возраста и, правильно поставленные, они потом дают ему возможность достичь и открыть самые недоступные вершины музыкального мира. Если в ребенке вовремя не проснется духовный мир, то его в дальнейшем ждет катастрофа, ибо, как сказал Экклезиаст: «Суета сует и всяческая суета». Все проходит. Все! И это пройдет! Что сейчас? И что останется?

А это отдельный разговор, как-нибудь позже, о воспитании. Это в двух словах не изложишь. То, что сегодня называется образованием, образовывает не тот образ, а при всех положительных посылах в соединении с отсутствием истинного воспитания дает сатанинский оскал или усмешку Вольтера.

Сейчас мы с женой идем на кладбище около церкви. Постепенно приводим его, с Божией помощью, в порядок. Какая наука душе, сколько мыслей рождает каждая всплывающая из-под мусора заброшенная могила. Погнутые обвалившимися деревьями решетки и кресты, просто безымянные холмики, почти сравнявшиеся с землей. Не любим мы «отеческих гробов», не любим.

Еще раз прости. Обнимаю.

Твой Д.В.А. август 2003

Письмо шестнадцатое

В магазин наш привезли яблоки. Роскошные, без единого пятнышка, как на выставке, огромные, ну просто загляденье. Это что? Урожай этого года? Нет! Прошло-го? Да! Кто и как их сохранил в таком виде? Люди думают над этим. Покрывают парафином, который нельзя убрать полностью, останавливают процессы гниения, убивая то, что совершает этот процесс. Т.е. товарный вид есть, а суть, цель плода?.. Нарушив естественные процессы, мы приносим себе вред, забыв, что «Господь дал человеку все, а человек захотел своего». Кто сегодня в городах пьет естественную воду? Никто! Хлорируем, фторируем, кипятим, ионизируем, магнитуем, фильтруем. Одно из главных сокровищ на земле. А воздух? Как нам не страшно? На что расчет? На что мы делаем ставку, чем жертвуем? Японцы носят на улицах Токио респираторы, ставят автоматы с чистым воздухом, для того чтобы отдыхать. Мы напоминаем собаку, ловащую собственный хвост. Тараканьи бега - вот что есть наша жизнь.

И смотрю я на своих детей и внуков и думаю. Почему же я должен отдать их в жертвы этому Минотавр, ради чего, ради каких целей? Да еще должен сам «вылезать из шкуры», чтобы запихнуть их в этот лабиринт, из которого, и это все прекрасно знают, выход один – на кладбище. Итог-то один, где все землевладельцы равны. И бомж, и Березовский. Люди очень не любят эти разговоры. Все об одном и том же. Но они прекрасно понимают, что это главное и от этого не уйдешь, и именно об этом говорит вся философия, искусство, поэзия и прочие серьезные источники. Евангелие я не трогаю. Кто прикоснулся хотя бы к Вере, можно сказать, нашел единственно верную дорогу. Но это не партия и не пионерская организация, туда нельзя принять или исключить, как в былые теперь уже времена. Истинная Вера - это когда за нее отдают жизнь. Но времена сейчас не

те. За деньги отдают, а за веру...?

Не будем это сейчас трогать. «Званы все! Придут немногие». Всегда было «малое стадо». Господь сказал все. Добавить к этому уже ничего нельзя. Это на все века единоверная полная и абсолютная истина. А я имею ввиду ту духовную часть айсберга, которую каждый может видеть и воспользоваться. Великие умы, оставившие нам сокровищницу человеческого духа, о которой мы так любим поговорить, которую включаем в программы обучения, цитируем, издаем, держим на полках, листаем...

Все сказано. Ничего нового никто не изобретет. И Баратынский в стихах говорит то же самое, что Шопенгауэр. Форма разная, суть одна. Всем вначале весело. Юность беззаботна, а потом дорога от Чехонте к Чехову, от «люблю тебя, Петра творенье» к «иные мне теперь милы картины. Калитка, сломанный забор... Хозяйка добрая, да щей горшок». Это как у цыганки на гадании. И это будет, и это, и это. А в конце-то что?.. На чем душа успокоится? Финал гадания. Успокоится...

Поэтому посадил я своих детей и внуков за стол. Помолчились сначала, помолчали, и вот что я им посоветовал: «Успокойтесь и подумайте крепко-крепко. Что вы хотите? Что вам нужно в этом мире? Во-первых, если вы встали на путь Веры, то, встав на борозду, не оглядывайтесь и никого не слушайте. Никого! Что мы просим у Господа? Тихое мирное житие, и непостыдной, безболезненной кончины! Что для этого надо? Смирение! Это основа основ и почти недостижимое состояние. Значит, надо отбросить все честолюбивые замыслы. Это означает, что каждый из вас как «витязь на распутье» должен решить раз и навсегда, каким путем следовать. Апостол Павел сказал: «Мир лежит во зле». Если приглядитесь, то это так и есть, а глубокое изучение истории подтвердит вам это.

Во-вторых, за все надо платить! За каждый шаг. Не сразу. Кредиторы ждут вас в конце туннеля. «Жизнь, зачем ты мне дана?» На этот вопрос желательно ответить в начале пути, а не на выдохе.

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

Помните, что написано на рас-
путье. «Направо пойдешь - коня по-
теряешь, сам цел будешь. Налево -
сам погибнешь, конь цел останется.
Прямо пойдешь... и т.д.». Есть че-
ловеческий опыт. «Умный человек
учится на чужих ошибках, дурак на
своих собственных» - так говорит
народная мудрость. Если финал для
всех один, значит, цены ему нет, и
незачем туда спешить. Что толку
смотреть на богатство или почет-
ные грамоты со смертного одра?

Человеческий опыт отжал
главные ценности. Семья, дети,
дом, сад... Хочешь жить спокойно,
не рвись к деньгам и власти. Нау-
чись трудиться, не делать деньги,
а зарабатывать их реальным тру-
дом. Это вопрос принципа. Есть
вечные профессии, а есть услов-
но временные, модные. Человек,
занятый карьерой, остается один.
Нельзя гнаться за двумя зай-
цами и сидеть на двух стульях.

К чему я все это? Да к тому, что
надо, придется совершить выбор.
И выбор трудный. Соблазнов мно-
го, а жизнь одна. В это надо очень
и очень вдуматься. Вечность - это
облака, солнце, текущая вода, шу-
мящие над ветром сосны, песнь
соловья, хлеб... И это дал Господь.

Люди закрыли землю асфаль-
том, изгадили воздух, которым ды-
шим, отравили воду, уничтожают
леса, готовят блюда из язы-
ков соловья, и занимаются многи-
ми противоестественными делами.

Вам, дорогие мои, предстоит
решить, с кем вы в этом мире и за-
чем вы живете. Сейчас люди жи-
вут в придуманном ими мире. Есть
реальный мир, данный человеку
Господом, и есть придуманный
людьми искусственный мир. Пой-
мите, что то, к чему человек уже
привык, это искусственный мир».

Рядом со мной живет сосед-
ка, которая понятия не имеет о
цивилизации, прогрессе. Она не
смотрит телевизор, не знает, кто
президент, что творится в науке,
искусстве и где находится Америк-
а, и в какое ВТО вступает стра-

на, и ей в голову не придет всем
этим интересоваться. Газет она не
выписывает, книг она не читает.
Ей 82-й год, и она довольна своей
трудной жизнью. И рюмку выпьет,
и споет, и станцует, и детей выра-
стила, и в жизнь вывела, и смеет-
ся, и трудится до сих пор. 4 класса
дают ей возможность написать и
прочитать письмо к детям и брать-
ям. И это не ущербный человек.
Боже упаси. Она ходит в церковь,
здорово рассуждает и мудра своим
огромным жизненным опытом.

И спрашивается, кто прав. Ей
за всю жизнь не сделали ни одного
укола, но ее «достает» ревматизм,
так же как и великого ученого или
политика, но она не будет платить
тысячи за новоизобретенные сред-
ства, а обмотает больное место ло-
пухом и вскарабкается на печку. И
если она не ела черной икры, то шу-
чья отнюдь не хуже, и на хлеб так
же намазывается, правда, она ест
ложкой. Так «кто счастлив здесь,
друзья»? И красоту она понимает и
умеет сказать о ней. Сколько раз я
видел, как она молча сидит с удоч-
кой в своей лодчонке и смотрит,
смотрит на утренний туман и вста-
ющее из-за церкви солнце, забыв
про утопленные рыбой поплавки. А
рыба, которую она ловит не на аме-
риканские снасти, а на привязан-
ную к пластиковой бутылке нитку,
одна и та же. Я всегда задаю себе
вопрос, о чем же она думает, сидя на
льду у лунки по многу часов? Что
у нее в голове? Она категорически
отказывается переезжать к дочери
со всеми «удобствами» и заботой, и
полна мыслями о завтрашнем дне.

Смотрю я на этот наш «ра-
ритет», и в голову закрадывается
мысль о чудовищном обмане, в
котором, даже не задумываясь об
этом, живут люди, строя «удоб-
ное кресло к финалу спектакля»...
И по-новому для себя вспоминаю
басню Крылова. Прости, Иван Ан-
дreeвич, но петух-то, наверное,
прав, «навозну кучу разгребая, на-
шел жемчужное зерно и говорит:
«К чему оно? Какая вещь пустая. Я
больше был бы рад зерну ячменно-

му. Оно хоть и не видно, да сытно»...

P.S. Почему не приехал? Я жду...

Обнимаю, твой Д.В.А.

сентябрь 2003

Письмо семнадцатое

Как зайду на нашу ферму, так
и расстроюсь надолго. В коровнике
работает человек десять - тракто-
ристы, доярки, скотники... Десять
человек на пятьдесят тощих бурё-
нок. Это почти все производство,
которое сохранилось от бывшего
совхоза. Но при этом есть контора.
И в ней сидят люди. Они живут за
счет тех, кто на ферме. Стало быть,
около реальных, каких ни есть, но
кормильцев «пасется» группа «не-
производительного труда». Разве
это не модель всего нашего госу-
дарства: один с сошкой, семеро
с ложкой? Чего они сидят в этой
конторе? — В общем, понятно. И
понятно, что сидеть они будут до
последнего. До мизерной зарпла-
ты. До крохотной пенсии. До Суд-
ного дня. Пока есть призрачная
возможность хоть что-то урвать.
Неужели еще можно что-то урвать?

Десять лет назад здесь ки-
пела бурная жизнь - строили до-
роги, тянули телефонные линии,
пахали поля, покупали элитных
коров, рожали детей, ходили в
клуб, развивалась аренда, парк
был полон техники... Я застал
те времена. Куда все исчезло?

Природа не терпит скачков -
это старая истина. В одночасье и
ни с чего такие перемены не слу-
чаются. Хотя на первый взгляд
все происходило очень быстро...

Богатства великой страны
распределяли при некоем подобии
справедливости — всем по вауче-
ру. На старт! Внимание! Марш
- кто первый добежит до кор-
мушки... Только одним досталась
спринтерская дистанция - коро-
че некуда, просто протяни руку.

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

А большинству народа - марафонская. Бегите, дорогие товарищи, мотайте круги, скачите по буеракам, поспешайте через колдобины - где-то там за дальним лесом стоит большое корыто, а в нем чего только нет. Были те, кто поверил, дернулся, но основная масса даже не пыталась. Потому что не дураки, понимали: пока добежишь, в этом корыте ничего не останется - начальники уже припали, за уши не оттащишь, сосут, наливаются жиром. А для остальных (чтобы не скучали) запустили «Поле чудес» и все прочие «угадайки». И если с хлебом перебои были, то со зрелищами - никогда.

Сегодня нас активно призывают забыть о тех «доисторических» временах, начать с нового листа. Это понятно - нуворишам живется неспокойно. Капиталы хороши, когда они легитимны. Тогда ты на сто процентов добропорядочный гражданин, и на тебя не смотрят как на вора. Но это не наш случай. Мы помним, как власть предрежащие дорвались до миллионов, а народ захлебнулся в безработице и нищете.

Нам говорят, что жизнь устоялась, наладилась, и каждому - свое. Кто что хотел, то и выбрал. Один прикупил виллу на Лазурном побережье Франции, другой задешево провел отпускную неделю в Турции, третий наскреб на бутылку и присел с корешами у забора. Всем как будто хорошо. Но хорошо ли, на самом деле? Даже тому, который на Лазурном побережье? Ведь в итоге несправедливые богатства еще никому не принесли счастья.

Почему же у нас все произошло именно так - бессовестно и подло? Думаю, это закономерно. Если бы не было почвы для плевел, они бы не выросли. Если бы в совхозе не было гнили, он бы устоял. Если бы у русского мужика не вырвали с большой кровью его Веру, традиции, корни, он бы не пошел се-

годня по миру, пьяный и неприкаянный. А вырывали долго - семьдесят лет. И до сих пор не угомонятся. Попробуй тут вернуться к своим истокам. «Тяжело» - не то слово. Без Божьей помощи - просто никак. «Силы есть у нас, да кто их соберет...» Это из «Ивана Сусанина». «Жизнь за Царя». Мои воспоминания о прошлой театральной жизни.

Если стадо без пастуха, то оно бредет куда попало, уничтожает покосы, огороды, гадит. «Рыба гниет с головы», «лестницу метут сверху». Эти пословицы для нас сложили предки - вековой опыт, наша история. Но мы ведь её не учим. Мы липнем пустыми глазами к экрану, затаив дыхание, слушаем радзинских. Они нам все расскажут - это точно. И побоку русская классическая литература. А разве Толстой в «Войне и мире» не обрисовал перестройщиков? А Лесков? А Гончаров?

Кто предал царя? Ближние бояре. Кто уберет любого президента, если он станет мешаться под ногами? Ближние бояре. Кто при Иване Грозном рвал Русь на части? Ближние бояре.

У кого при Ленине были виллы, частные поезда и прочие блага? У ближних бояр. Кто во все времена родной культуре предпочитал немецкую, французскую, английскую, американскую, любую другую? Все те же бояре. Кто при Брежневе жил припеваючи и сейчас катается как сыр в масле? Яковлевы, Шеварднадзе, Горбачевы, Ельцины... А народ косил, пахал, доил, строил, стоял у станка, возил, рыл, колол, воевал...

И теперь преданный, проданный, оболганный - пьет, как никогда прежде. От пустоты душевной. Отбыл свое, пришел домой (или не пришел) и давай заливать тоску и немощь вином.

Так и копошимся мы на наших задворках вдали от столичного пира. Бьемся друг с другом за крохи, которые переппадают нам с барского стола. Радуемся возможности урвать хоть что-нибудь...

А если вспомнить... О Святой Руси. О русской культуре. О

духовности. О достоинстве... Ну в самом деле, нам ли быть нищими в родной стране, такой богатой? Нам ли сидеть часами перед ящиком и смотреть, смотреть бесчисленные «угадайки»? Нам ли пить горькую и бояться жизни?

Все чего-то ждем. Говорят: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Да ведь грянул уже, и какой! - повыбило нас с родной земли, побило.

Кричит петух. Ночь подходит к концу. Невольно думаю о том, что настанет день, когда в своей деревне я останусь один. Выйду со двора, крикну, да никто не ответит.

Мысли грустные. Не дай Бог, чтобы все пришло к этому. Жду вестей.

Твой Д.В.А. сентябрь 2003

• Письмоносец

О Владимире Пальчикове

Спасибо огромное за Ваш вкус! Порадовали и даже удивили. В номере 23 «Двинского бережка» отличная, лучшая из всех читаемых мною ранее, подборка дорогого мне Владимира Алексеевича Пальчикова! И ещё замечательное стихотворение Владимира Солоухина!..

Я знал Владимира Алексеевича Пальчикова - и в подаренной мною Вам книге «Русский крест» есть (среди других) посвящение и благодарность ему тоже.

С Пальчиковым связаны моя первая публикация в журнале «Наши современники» в 1982 году и издание моей книги «Лебедь с девичьим лицом» в издательстве «Современник» в 1989 году.

Может быть, и стихи напишутся когда-нибудь, коль осталась добрая память и уважение...

Валерий Савостьянов,

г. Тула

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Ольга СОРОКИНА

Родилась в Донбассе. Окончила Новгородский Государственный педагогический институт, преподавала русский язык и литературу в средней школе. Сейчас корректор вышеволжского издательства «Истоки». Лауреат Третьего Московского Международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса им.Сергея Клычкова (2015 г.). Победитель конкурса «Поймай удачу» в номинации «Поэзия». Публиковалась в различных печатных изданиях. На её стихи написаны песни тверским автором и исполнителем Ольгой Шаталкиной. В настоящее время проживает в Твери.

НА КЛАССНОМ ЧАСЕ

- Дети, зачем вы покрасили снег в
синий цвет?
- А Вы нам на классном часе не
объясняли, что этого делать нельзя.
Снег возле школы покрасили
синим.
Дети, не красьте, пожалуйста,
иней.
Небо не надо расписывать мелом,
Лишь облака пусть останутся в
белом.

Дети, не надо раскрашивать ветер -
Пусть остаётся в естественном
цвете.
Красьте прохожих – пусть светятся
люди,
Хмурого красьте – пусть
радостным будет!
Можно асфальт, чтобы не был он
серым,
Красьте заблудших надеждой и
верой.
В чёрное кисти не пачкайте, дети -

Ярким закрасьте все беды на свете.
Красьте дома разноцветной
краской
И стариков – пониманьем и лаской.
Счастьем раскрасьте убогих и
сырых,
Ну, а войну – обязательно миром!
Снег возле школы останется синим -
Светлою краской раскрасьте
Россию.

ВДОХНОВЕНИЕ

Душа творит – когда обожжена.
Обжечь её – зазвенит струна,
И запоёт, как никогда не пела,
Как никогда не плакала она.
Зажги её, и ты услышишь звон.
Он оглушит тебя со всех сторон.
И ты уйдёшь от этого едва ли -
Такою силой обладает он!
И ты в плену у собственной души:
Бери перо скорее и пиши.
Пока слова тебе диктует Муза,
Излить в стихи тоску свою спеши!

Светлана ЛЕОНОВА

Студентка Литературного института им. А.М. Горького. Лауреат 1 степени в номинации «Поэзия» среди ССУЗов Тверской области 2009 г. Участник X Дельфийских игр 2011г. Обладатель Гран-при в номинации «Художественное чтение», фестиваль «Ликующая муза» (г.Торжок) 2014г. Лауреат 1 степени в номинации «Лучшая поэтесса», фестиваль «Открытая сцена» (г.Тверь, 2014 г.).

* * *
Небо затянуто чернильными
пятнами,
Хочешь – не буду с тобой
говорить.
Я бы уехала, заходя, запросто,
На самый край оскверненной
земли.
Я бы закрыла глаза на все сущее,
Я бы ломала за печатью печать,
Только ты лучше меня это
чувствуешь,
А о чувствах надо молчать.
И будет, как в старом романе с
закладками,

Когда тишина вызывает скандал.
- Ты как?
- Я в каком-то случайном
порядке.
- Я никогда тебя не понимал.
Сотня причин, отговорок и
таинств,
Сотня возможностей спущена
вниз.

Все, что ты делаешь – заведомо
правильно.
Поэтому и не хочу говорить.
И так все непросто, ты снова
зришь мимо,
Но самоуверен, как в ковбойском
кино.
- Ты невыносим.
- Нет, ты невыносима.
Молчание - золото.
Тебе не дано.

* * *
Ты, конечно, пока молода -
молодись:
Брось семью, заведи собаку,
Влюбись.
Но потом не ной,
почему он тоже ушёл.
И забудем этот разговор.
Хорошо?

• Литературное краеведение

Владимир ШИРОГОРОВ

Владимир Константинович подполковник медицинской службы, кандидат медицинских наук. Много ездил по стране. Много видел. А в конце жизни приехал в Осташков. Купили с женой домик с огородом. И с головой окунулись в общественную городскую жизнь. Широгорov начал писать картины. С первого взгляда непривычна эта живопись. Слишком условна, декоративна. Но потом с наслаждением окунаешься в этот мир. И уходишь из него с радостным настроением. Эту радость еще долго носишь в себе. А отдельные картины врезаются в память навсегда. Эти картины можно видеть сейчас в осташковской библиотеке. Они украшают и городскую картинную галерею.

Владимир Константинович недавно ушел из жизни. А его внутренний мир, отраженный в картинах, продолжает волновать зрителя.

А еще он писал хорошие стихи, о которых сам говорил так: «... можно сказать, что в этих стихах мало внешней изобразительности, красоты, но можно и возразить, что усложнение, утяжеление стихотворного образа мешало бы всепроницаемости, всеохватности, всеответности образа, как свидетельства духа...».

* * *

Что как чудо всегда удивляет
И тревогой за сердце берет –
Как упрямо трава прорастает
Из корявых апрельских мерзлот.

« ЧТО КАК ЧУДО ВСЕГДА УДИВЛЯЕТ... »

На пространствах
приземисто-серых
Синевой проступает зенит,
Если встретишь весну в
порыжелых
И припухших веснушках раки.

Вот и тополь, что в зиму покорно
Под метели дремал наяву,
Растопыренной радугой-кроной
Зацепил между туч синеву.

Но капризна апрельская просинь.
Не ее ли, как чудо храня,
Так молитвенно свечами сосен
Загораются сумерки дня.

* * *

Июль поднялся на дыбы.
Жара. Покос, и пыль в проселках,
И чудом кажутся грибы
В иссохших листьях и иголках.

Царит повсюду ровный свет,
Слепя глаза, слова и чувства.
И все вокруг как нудный бред,
Когда так явственно и пусто.

Но в час, когда вершины дня
Белеют в сумраке лиловом
В прощальных отблесках огня
Все неизведанно и ново.

Тогда, как линии судьбы,
Волнуют сонные проселки,
И в лунном сумраке грибы
Топорщат листья и иголки.

* * *

Прозрачный сумрак. Степь.
Дороги.
Струится полночь, как река.
И тщетно месяц двоерогий
Речные ищет берега.

Не в ослеплении забавы
Несется в бездну зыбкий плот –

Приемлет землю величаво
Бездонный звезд круговорот.

От тишины ли, от росы ли
В седых туманах все видней
Дороги вечные России
Под перекрестием огней.

И что-то грезится такое,
Что взгляд без усталости готов
Скитаться звездною рекою,
Что не имеет берегов.

* * *

Так уж водится, ранней весной
Самым первым громам вослед
Холода застилают мглой
Лебединых черемух цвет.

Облака бесконечным накатом
Уплывают во мглу и печаль,
Золотою полоской заката
Опоясав свинцовую даль,

И надежду сменив тревогой
Что-то смутно в груди щемит.
Так свеча в ощущение бога
Вся колеблется и дрожит.

Позабывтая солнцем суша –
Поле, лес да овраг речной –
Что же ты заставляешь душу
Так тревожно мерцать свечой?

Видно, жизнь не спешит к иному
И навек породнились в ней
Лебединый полет черемух
И тревога свинцовых дней.

* * *

Все в дыму, в печи трещат поленья,
Скудный свет предутренних
снегов.
Млечный путь петляет над
деревней,
Словно строчка заячьих следов.
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

В тишине, внимающей мгновенью,
Шевельнулся ветер, чуть дыша,
И поплыл размашистою тенью
Меж берез, верхушками шурша.
Будет хмурый зимний день
сегодня.

Над далекой кромкою лесной
Горизонт в малиновых разводах
Затянуло мутной пеленой.

Догорят дотла в печи поленья,
Растопив на окнах пухлый лед,
Голос вьюг заплачет над деревней
И крыльцо сугробом заметет.

* * *

Ветер лепится в лужи с разбега,
Все же осень не то, что весна,
И в сумятице грязи и снега
Побеждает его белизна.

Вечереет во мгле подсиненной
Дальних изб занимается свет
От унылой земли вознесенный
На орбиты осенних планет.

Грязь ли. Снег ли – привычные
будни,
То ли богу, то ль черту молясь,
На дороге подвыпивший путник
Поминает родимую грязь.

В темноту непонятно косится,
Где в тумане осенних полей
И белеет зима и лучится
Ожерельем вечерних огней.

И движеньем замедленно-хмурым,
Ничего на душе не тая,
Он швыряет на ветер окурок.
С первым снегом, родные поля.

* * *

В синих леса прорешинах
Лужи блестя, как ртуть
Ветер походкой лешего
Слякотный топчет путь.

Русло тараня торное,
Льдины река влачит.

И над полями тронную
Речь говорят грачи.

Что там вверху заневестилось
И обожгло слезой?
Туча шальная свесилась
Белой как снег фатой.

Разом смеяться, плакать ли
Мартовский день готов,
Солнцем, дрожащим в слякоти,
Все начиная вновь.

* * *

Как-то сразу леса пожелтели,
И уже на дороге лесной
Закружили виденья-метели
Беспокойной, как память, листвою.

На сосновых поленьях заката
Поднимается в небо заря.
В храме памяти горько и свято
Причащает костер октября.

И в дремучих осенних туманах
Оживает минувшего тень –
Так недавно ан этих полянах
Зажигались огни деревень.

На лугах, осененных прохладой,
Догорал быстротечный закат,
И хозяйки мычащее стадо
У своих дожидались оград.

Нет теперь ни креста, ни часовни.
Беспощадна в забвении жизнь.
Только с кровью цепляет

ШИПОВНИК

На развалинах брошенных изб.

Мир вокруг так любовно
просвечен,

Как ладони над тихим огнем.
Греет грудь этот ласковый вечер
Горькой чашею с горьким вином.

* * *

В мае небо спит в обнимку с
звездами,
Звездный блеск стыдливо
притушив,
И туманом белым над озерами
Проплывают лебеди души.

Тают звезды в воздухе малиновом
Над дремотной чуткостью полей,
Где березы телом стеариновым –
Точно сестры белых лебедей.

И темнея сквозь туман истаянный,
Проступают тени на лугу.
Так чернеют первые проталины
На весеннем розовом снегу.

Все истаем телом стеариновым,
А пока в ликующей глуши
Над весною облаком малиновым
Проплывают лебеди души.

* * *

Белый май с метелями не дружит,
Красотой другою май красив,
Вороха черемуховых кружев,
Точно снег под солнцем, засветив.

Время зимней стужи миновало.
Не еѐ ли призрачная тень
Чуть дрожит над синим перевалом
В горизонтах дальних деревень?

Близок срок и пепельных рассветов,
Только росы выпадут в ночи.
Про судьбу, короткую, как лето,
Прокричат в туманах дергачи.

И про то, как в пору зимней стужи
Белый день был солнечно красив,
На березах ворох снежных кружев
Ледяным узором засветив.

* * *

Нет, не черную грязь и не серость
На истерзанном солнцем снегу –
Эту вешнюю землю как целость
До конца я в себе сберегу.

И в конце и бессильном и ватном
Мне зачтется пред таинством сил,
Что по-черному серой, невнятной
Эту землю я в жизни любил.

ДИКИЕ РОЗЫ 43-ГО ГОДА

История одной песни

Сборник «Я стал частью этой войны», в который вошли проза и стихи из репортерского блокнота журналиста «спецназа», писателя, поэта, журналиста Александра Харченко, назван «Лучшей тверской книгой - 2018». Выбор читателя». Так оценили работу ветерана Агентства ТАСС читатели — участники юбилейной XXV Недели Тверской книги.

ФИЛЬМ Андрея Смирнова «Белорусский вокзал» я воспринял ровно. Для моего послевоенного поколения в сюжете картины не было ничего необычного. Однополчане. Как и тысячи фронтовиков, они расстались на Белорусском вокзале Москвы летом победного 1945 года. Встретились через много лет на похоронах боевого товарища.

Зацепили слова их любимой песни про «10-й наш десантный батальон», которую под гитару поет бывшая медсестра Рая. Ее мог написать только человек, пропустивший войну через себя. И этим фронтовиком оказался известный бард Булат Окуджава. Воевал на Северном Кавказе. Минометчиком, радистом тяжелой артиллерии. Был ранен под Моздоком. Границы поэтических строк расширяются, когда узнаешь, что они про первое в нашей стране соединение спецназа — Отдельный 10-й гвардейский батальон минеров специального назначения.

... Афиша, появившаяся в рекламном окне Тверской филармонии, меня удивила. Известные артисты — исполнители классического репертуара, пригласили любителей авторской песни на концерт-посвящение Булату Окуджаве.

Его я впервые увидел в фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича». Вспомните поэтический вечер в Политехническом. Со сцены гремели Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. И как бы в противовес им зазвучала гитара и маленький «грузин московского разлива» тихо запел свой «Сентиментальный вальс»...

И как-то посветлело на душе от того, что я вновь услышу песни своего детства, хотя сам автор называл их «песенками».

Ничего не зная об авторе, кроме фамилии, а некоторые в своих тетрадках на его текстах писали «Акуджава», мы - мальчишки, собирались вечерами во дворе и завороченные простенькими словами, под гитары переживали за Ваньку Морозова, который циркачку полюбил. Автор призывал нас пропеть «славу женщине моей», и мы это делали. А еще была дерзкая, в унисон тому времени: «А мы швейцару: «Отворите двери...». Нас объединял «Полночный троллейбус», в котором в зыбкую полночь «твои пассажиры — матросы твои придут на помощь...». Мир становился добрым, в котором, если взяться за руки, не пропадешь поодиночке.

На фоне этих песенок неожиданно зазвучала размеренная поступь стрелковых рот: «Вы слышите: грохочут сапоги...». В этом

строю шагал и 17-летний Окуджава. Он добровольно ушел на фронт, а позже спел про то, как просто стать солдатом: «...Возьму шинель, и вещмешок, и каску, в защитную окрашенную краску. Ударю шаг по улочкам горбатым...». Про сапоги «...ну куда от них денешься и зеленые крылья погон...», про пехоту, которой не надо верить, «когда она бравые песни поет...». И, наконец, песня со слезами на глазах из «Белорусского вокзала».

— Она имеет реальную основу и реальных героев, — удивил меня краевед Вячеслав Воробьев. — А история 10-го батальона тесно связана с нашим регионом. Среди легендарной шестерки старшего лейтенанта Николая Колосова был и житель города Калинин младший сержант Вячеслав Ефимов. Его именем названа одна из улиц в центре Твери.

Славе было 18, когда он ушел добровольцем в действующую армию. После окончания школы подрывников его зачислили в 5-ю отдельную инженерную бригаду специального назначения Калининского фронта. Весной 1942-го в районе Торжка Калининской области ее сформировал «дедушка советского спецназа» полковник Илья Старинов¹. В августе приказом Сталина из

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

лучших бойцов бригады и других соединений фронта был сформирован Отдельный 10-й гвардейский батальон минеров спецназа.

- Бойцы Отдельного 10-го гвардейского батальона минеров 43-й армии Калининского фронта по 4-6 человек десантировались во вражеский тыл с самолетов для разрушения важнейших коммуникаций врага, - рассказал Воробьев. - Отсюда слова из песни «...И почтальон сойдет с ума, разыскивая нас».

Незадолго до Курской битвы эффективность действий «десятки» была исключительной. Взрывы мостов и железных дорог не позволили фашистам перебросить эшелоны с техникой и живой силой в район Курской дуги. Поэтому не случайно в песне Окуджавы есть такие слова: «От Курска и Орла война нас довела...».

В конце апреля 1943-го группа минеров под командованием Колосова получила приказ: подорвать железнодорожный состав гитлеровцев на перегоне Витебск — Смоленск, разведать движение на автострате и уничтожить мост. По их следам фашисты пустили отряд егерей, подготовленный для действий в русских лесах.

В штабе от Колосова была получена последняя радиограмма: «Все время ухожу от преследования...»

Группа Колосова ушла к деревне Княжино Руднянского района Смоленской области, где на высоте «207,8», партизаны оставили для них тайник с взрывчаткой и боеприпасами. Здесь минеры решили дать бой немцам. Спецназовцы заминировали подступы, организовали круговую оборону.

12 мая каратели пошли в наступление. И попали под прицельный огонь пулемета. «Бьет пулемет неутомим...», - напомнил Воробьев песенную строку и уточнил: «Это был пулемет младшего сержанта Ефимова...».

Смоленские журналисты на-

шли фронтовую газету «Вперед на врага». В ней была публикация корреспондента Соболева о последнем бое группы Колосова:

«Противник наступал цепями с трёх сторон... Подпустив немцев вплотную, гвардейцы разом ударили из автоматов, полтора десятка фашистов свалились замертво.

Немцы прервали наступление. Смолкли и автоматы минёров. Затем воздух огласился криками немецких офицеров, и фашисты вновь пошли в атаку. Плотный огонь минёров пришёл их к земле, и вторая атака была сорвана. Но немцы не прекращали натиска. Смертельный стон стоял в лагере врага: так крепко угостили их минёры. Но всё злее и злее становились атаки фашистов.

Минёры не сдавались. Уже два часа длилась схватка и два часа шесть советских автоматов разили врага. Ранен был Базылев, но продолжал стрелять. Ранен был и Мягкий.

Не одолев минёров пулемётным и ружейным огнём, немцы подтянули пушки и пулемёты. Над лесом появился самолёт. Но Колосов перехитрил врага. Когда немцы ударили по высоте снарядами и минами, минёров там не было. Командир отвёл товарищей на вторую позицию, заложив около окопчиков шашки тола. Были установлены также фугасы. И как только густые цепи немцев, уверенных, что сбитый артиллерией противник не может сопротивляться, появились на высоте, Ефимов включил контакт. Мощный взрыв потряс высоту.

Атака возобновилась. С просёлка, из леса и с поля всё новые и новые толпы немцев шли на высоту. Уже был убит Безруков и дважды ранен Мягкий.

Но неравны были силы. И хотя героически дрались шестеро против тысячи, всё больше и больше наваливался враг, видя малочисленность защитников высоты. Минёры без промаха разили врага, пока не погибли в неравной схватке...»

Жители деревень Княжи-

но и Дубровка слышали грохот этого боя. Видели, как на трех грузовиках гитлеровцы увозили с высоты своих убитых, а их оказалось 120, а также раненых.

Когда крестьяне пришли на высоту то, потрясенные увиденным, стали на колени, склонили головы перед погибшими спецназовцами. Похоронили шестерых воинов, на месте их гибели посадили шесть кустов шиповника. У многих народов шиповник считается ритуальным и священным растением. Из его цветущих веток плели гирлянды для героев. Без него не обходились похоронные обряды. Когда на высоте «207,8» расцвели его кусты, они стали похожи на огромные букеты диких роз. Осенью на их ветках появились яркие плоды, как капли крови погибших солдат.

29 сентября Руднянский район Смоленской области был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. И тогда была восстановлена картина боя группы Колосова.

4 декабря 1943 года командующий первым Прибалтийским фронтом генерал армии Иван Баграмян представит гвардии старшего лейтенанта Николая Колосова, гвардии сержанта Владимира Горячева, гвардии младшего сержанта Вячеслава Ефимова, гвардии рядовых Ивана Базылева, Филиппа Безрукова и Михаила Мягкого к званию Героев Советского Союза. Посмертно.

- Это был четвертый за всю Великую Отечественную войну случай, когда высшей награды страны были удостоены все участники боевой операции, - рассказал мне краевед Воробьев.

«...Нынче нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим», - пела Окуджаву в фильме «Белорусский вокзал» бывшая медсестра Рая о подвиге бойцов Отдельного 10-го гвардейского батальона минеров специального назначения. Они сделали шаг к Великой Победе ценой своей жизни.

(Печатается с сокращениями)

¹ Стаинов Илья Григорьевич (1900-2003) за свою жизнь успел стать легендой, благодаря своему труду и талантам, о чём и говорят приписываемые ему прозвища: «Лучший диверсант XX века», «Гений минной войны», «Личный враг Гитлера».

«НЕ МАЛЬЧОНКА – СОЛДАТ...»

Рассказ о сыне полка Николае Белове

ЕДВА рассвело, как на оленинскую деревеньку Пустынька посыпались мины и снаряды. Тринадцатилетний Николай Белов, в валенках, на босу ногу, в старом зипунишке на голых плечах, выскочил на крыльцо. Часового во дворе не было, исчезли три пулемета-станкача стоявшие вчера у дровяника.

- Ах, ты, окаянный! – мать успела схватить сына за воротник.

Зазвенели разбитые взрывной волной оконные стекла.

Анна Андреевна ринулась в избу, где голосили шестеро Колиных братьев и сестер. Когда он вбежал следом, она запихивала ребятишек под печь, крестясь и причитая:

- Господи, помилуй деток моих.

Николай оделся и, не пугаясь взрывов, понесся на окраину деревни, к окопам.

Две крайние избы горели. Никто их не тушил, и они стали ориентиром для наступающих немцев. Пули чмокали в бревенчатые стены.

- Убейся! – закричал, увидев мальчика, комвзвода лейтенант Паневин.

Вчера еще добродушный, ловкий на шутку, он носился от окопа к окопу, отдавая команды.

Внескольких метрах рвануло.

- Пацана, заберите! – заорал

Паневин.

Николай почувствовал: сильные руки несут его к окопу.

Стреляя на ходу, через поле двигались немецкие автоматчики – Огонь! – приказал Паневин.

Захлопали вразнобой винтовки, застрочили пулеметы. Атака не без труда была отбита.

На другой день красноармейцы покидали Пустыньку.

Николай подбежал к Паневину:

- Можно с вами?

- Возьми мальчика, у него папаны погибли, - попросили бойцы.

Командир 257-го стрелкового полка Николай Петрович Северинов дал на это разрешение.

Вот некоторые штрихи из боевой биографии 185-й стрелковой дивизии, в которую входил 257-й полк.

С января 1942 года, в составе 30-й и 29-й армий, она вела тяжелейшие бои в районе Ржева. Обеспечивая отход штаба 29-й армии, выходит из вражьего кольца юго-западнее Ржева вместе с 381-й стрелковой дивизией и 510-м гаубичным артиллерийским полком и вновь оказывается в окружении с 39-й армией, в составе которой ведет бои до 28 мая 1942 года. Затем остатки дивизии передаются в 22-ю армию, находились в ближайшем тылу.

2 июля 1942 года под Олениным 185-я попадает под сильнейший удар немецких войск в ходе операции «Зейдлиц» и 5 июля отдельными частями

вновь попадает в окружение. С 15 июля части дивизии, оставшиеся за кольцом окружения, наносят удар навстречу пробивающимся войскам 39-й армии, и на участке дивизии к 22 июля выходит до 10000 человек.

С 25 ноября 1942 года, участвуя в операции «Марс», 185-я наносит удар через Лучесу на Васильцево вместе с 238-й стрелковой дивизией, а силами 1319-го стрелкового полка совместно с 1-й гвардейской танковой бригадой и 3-й механизированной бригадой, штурмует укрепления в районе Гривы.

Все, что и взрослым переносить нелегко, познал юный телефонист взвода связи Николай Белов: бомбежки и артобстрелы, бои, переходы по тридцать-сорок километров за сутки, ночлег на снегу – на одну полу шинели лег, другой укрылся.

Бойцы относились к нему ласково-покровительно. Один варежки подарит, другой сахарцу даст. У многих остались дома такие же по возрасту, как он, дети, и, отдавая ему свою заботу, ласку, вспоминал иной, может быть, о своем сынишке.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Впрочем, скоро сыновей 257-го полка стало двое. В деревне Крикино, Николай тянул связь к штабу и заприметил, как глядит на него с завистью местный мальчишка.

– Как бы и мне так? – спросил осторожно.

– Не возьмут.

– Тебя взяли, а меня, значит, нет?

– У меня батю немцы убили.

– И у меня убили.

Николая Руженцева тоже зачислили во взвод связи...

Память Белова сохранила немало эпизодов. Особенно запомнился бой за высоту на берегу реки Ловать.

– Держаться! Держаться! – кричал в телефонную трубку комполка майор Евсюткин. – Подкрепление отправил! Что?! Как еще не подошло? Але! Але! А, черт... – майор бросил трубку.

Где-то перебило осколком провод. Подхватив катушку, Николай выскочил с КП и побежал вдоль линии. Бой становился ожесточеннее. Справа выдвигались вражеские танки. Там, на высоте, их могли не видеть. Если не удастся быстро восстановить связь, немцы могут нанести неожиданный фланговый удар.

Две мины разорвались рядом. Выждав немного, Николай по-пластунски добрался к проводу и, срастив его обрывки, пополз в сторону КП.

– Связь! Где Связь?! – яростно сверкнул глазами Евсюткин.

– Я проверял, товарищ майор, была.

– А теперь опять пропала! Видел: танки к высоте подходят!

– Товарищ майор, пишите сообщение. Я – мигом!

Евсюткин набросал карандашом на листке несколько слов.

– С Богом, сынок. Донеси...

Над головой свистели пули, осколки, а он знал одно: надо не погибнуть, доставить сообщение. Иначе погибнут другие.

Прочитав сообщение, комбат срочно принял меры по усилению опасного фланга, отправив туда бронебойщиков с противотанковыми ружьями. Танки врага не прошли, высоту батальон отстоял. И только двое, комполка и комбат, знали, как помог в этом четырнадцатилетний телефонист.

А вот еще один эпизод, связанный с августовскими боями 1943 года на смоленской земле. Белов к этому времени освоил специальность радиста.

Теплая, тихая ночь. Взвод разведчиков, в который включили Белова, ползет в расположение противника. Миновали первую линию его обороны, остановились в перелеске.

– Белов, передайте донесение.

В эфир полетело: «Вышли на исходные позиции». В ответ: «Вас понял, продолжайте выполнение».

Группа захвата исчезла в темноте.

В небо взметнулась и погасла одинокая ракета. Ударили автоматы, раздался взрыв

гранаты. Затем снова – тишина.

– Идут, – шепчет кто-то.

Следует команда:

– Белов, сообщите: «Язык» захвачен, возвращаемся, потерь не имеем».

Немцы отправили группу преследования. Вот уже доносятся чужие голоса.

– Белов, передайте: «Поддержать артогнем». Сообщите точные координаты, чтобы не попали по нам.

Артбатарея ударила прямоком по врагу...

Вскоре Белов был ранен. Полк закрепился на оставленной врагом позиции. Николай развернул рацию, чтобы передать сообщение в штаб дивизии. В этот миг в блиндаж угодил вражеский снаряд. О том, как все случилось, рассказал гораздо позже один из друзей – Толя Буховцев. Заметив, что на месте блиндажа полетели вверх обломки бревен, он бросился разгребать осыпавшуюся землю. Вытащив Николая, приложил ухо к его груди. Сердце едва билось, из задетой осколком руки текла кровь.

– Мальчонка совсем? –

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 12-13).

удивилась медсестра, увидев очередного раненого.

– Не мальчонка – солдат, – поправил ее хирург. – Две медали у него на гимнастерке...

Зарубцевалась рана, отступила контузия, снова в строю Николай Белов.

В начале 1944 года, накануне операции «Багратион», Иосиф Сталин издал специальный приказ – убрать не только с передовой, но даже из тыловых частей, тех сыновей полков, которым не исполнилось 16 лет. Однако многие из них, в том числе Белов, сражались с врагом до победного часа.

С 14 января 1945 года в составе 47-й армии 1-го Белорусского фронта дивизия участвует в Варшавско-Познаньской наступательной операции, штурмует г. Шнайдемюль (ныне г. Пила). С 16 апреля участвует в Берлинской наступательной операции. Незадолго до этого комдиву (с ноября 1944 года) Михаилу Максимовичу Музыкину присваивается звание Героя Советского Союза.

Были и те дни для сына полка запоминающиеся моменты. Возле города Штеттин 257-й полк встретил сильное сопротивление. Белов и несколько бойцов получили приказ доставить рацию на новый КП. Перебежали простреливаемое пулеметным огнем противника шоссе, углубились в лес и, выйдя на поляну, увидели нескольких вооруженных немцев.

– Хенде хох! – без промедления крикнул Николай, пустив поверх вражьих голов автоматную очередь.

Пленных доставили в расположение наших во-

йск. Через полчаса юный радист вышел на связь.

После войны Николай Александрович Белов работал шахтером в Нелидове, неподалеку от своих родных мест. К боевым наградам, ордену Отечественной войны первой степени, медали «За отвагу», двум медалями «За боевые заслуги» добавились ордена Трудовой славы III степени и Шахтерской славы III степени. Николаю Александровичу присвоено имя Почетного гражданина Нелидова и Нелидовского района.

Ранее бывшие воины 185-й Панратовской-Празжской ордена Суворова стрелковой дивизии нередко встречались. Приезжал к фронтовым друзьям и ставший полковником Николай Руженцев. К сегодняшней поре почти никого из них не осталось в живых. Но встречи Белова с молодежью продолжаются.

– Наш долг – передать юному поколению чувство патриотизма, чтобы в час испытаний для нашей Родины они достойно встали на ее защиту, – считает ветеран.

Николай Александрович был далеко не единственным сыном полка из Тверской области. Кроме того, дети сражались в составе партизанских бригад и отрядов. Было бы здорово, если бы к 75-летию Победы под эгидой обладминистрации (с привлечением журналистов областных и районных газет) собрали материал о них с последующим изданием сборника. Это явилось бы реальным вкладом в патристическое воспитание молодежи и хорошим подарком к юбилею.

Валерий Кириллов,

На снимке: сын полка Николай Белов. 1945 г.; Н.А. Белов с внуком (ныне суворовцем). 2015г.

Посвятили Фатьянову

В обычной квартире провинциального Торопца по инициативе журналистки Галины Церникель собрались представители местной интеллигенции, чтобы вспомнить Алексея Фатьянова. В марте поэту исполнялось 100 лет. Но не гремел телеэфир его песнями, хотя многие из них стали поистине народными. И продолжают ими быть. Среди разных поколений найдешь тех, кто их вспомнит, едва услышав названия: «На солнечной поляночке», «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «В городском саду играет», «Три года ты мне снилась» и др. И конечно «Соловьи» – лучшая лирическая песня Великой Отечественной.

• Редкие песни

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ

(сл. М. Исаковского,
муз. В. Соловьева-Седого,
из к/ф «За облаками - небо»)

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена.

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби, куда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай меня, хорошая,
Встречай меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

«МИР РУССКОЙ ШКОЛЫ, ЖИВОЙ И ПОЛНОКРОВНОЙ...»

*Институт русской цивилизации подготовил
сборник статей и писем С.А. Рачинского*

«Народная педагогика»

(составитель и автор предисловия И. Ушакова). Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2019

СЕРГЕЙ Александрович Рачинский (1833–1902), выдающийся русский мыслитель и педагог, создатель образцовой народной церковно-приходской школы.

«Мир русской школы, живой и полнокровной». Соприродной крестьянскому образу жизни. В этой школе дети осваивают методику устного счета, им три часа в день преподают русскую словесность, они изучают Закон Божий и поют в церковном хоре, ходят в походы по святым местам, учатся живописи, трудятся на земле, осваивая специальности столяра, пчеловода и садовода. Что это была за школа?..

В сборник вошли главные труды С.А. Рачинского: книга «Сельская школа» с очерками и статьями: «Заметки о сельских школах», «Народное искусство и сельская школа», «Школьный поход в Нилову пустынь», «Из записок сельского учителя», «Церковная школа», «Начальная школа и сельское хозяйство», «Школьное цветоводство», «Возродившиеся школы грамотности», «Церкви

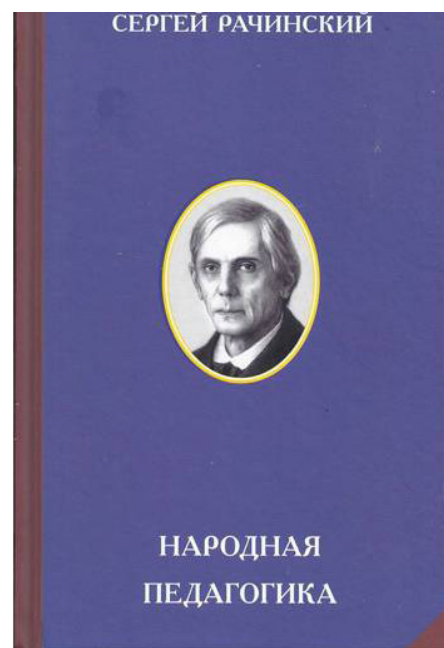
и школы», «Заикание и церковно-славянское чтение», «Не-что о свободе чтения и речи».

Вторую часть сборника составили статьи С.А. Рачинского: «Absit omen (по поводу преобразования сельской школы)», «О первоначальном народном обучении»; статья Т. Георгиевского «Празднование дня святых Кирилла и Мефодия в школе Рачинского»; список открытых Рачинским школ в Бельском уезде Смоленской губернии.

Третья часть сборника – «Письма к духовному юношеству о трезвости» С.А. Рачинского.

Заключительная часть – «Собеседники» – включает: некоторые письма С.А. Рачинского обер-прокурору Священного Синода К.П. Победоносцеву, графу С.Д. Шереметеву, философу В.В. Розанову; письма Рачинскому историка Н.В. Путьты, члена Государственного Совета И.Ф. Тютчева, учеников С.А. Рачинского – учителя А.А. Серякова и художника Т. Никонова.

Статьи «О времени и взглядах Льва Толстого и Сергея Рачинского» (автор – И. Ушакова)

и «Казанские диалоги. Переписка С.А. Рачинского с Н.И. Ильминским и С.В. Смоленским» (автор – Н.И. Кабанова, канд. искусствоведения) дают представление об окружении татевского учителя и о предреволюционном времени, в которое довелось творить этим выдающимся современникам.

Труды С.А. Рачинского занимают достойное место в сокровищнице русской мысли, являются важной скрепой в истории русской педагогики и дают пример созидания нравственно здорового общества.

На деятельность педагога-просветителя Сергея Александровича Рачинского в 1870–1900-х годах откликнулись сотни тысяч людей разных сословий в России и за рубежом. Откликаются и сегодня. Те школы, которые в 1990-х годах восприняли опыт школы Рачинского, сегодня – лучшие школы в России.

(«Русский вестник»,
№3, 2019)

Золотой запас

(1821-1908)

BECHA

Приветствую тебя, веселая весна!
Блестя, звуча, благоухая,
И силы жизненной, и радости
полна, —
Как ты красива, молодая!

Лицом к лицу с тобой один бродя
в лесу

И весь твоим подвластен чарам,
Советы я себе разумные несу,
Как подобает людям старым.

Я говорю себе: «Смотри почаще
вниз;
Везде цветок увидишь нежный;
Душистых ландышей здесь массы;
берегись,
Чтоб их не смять ногой
небрежной.

Старайся уловить и света, и теней
Игру в причудливых узорах,
И кашель сдерживай, чтоб
слышались ясней
Напевы птиц и листьев шорох».

Напевы птиц и листьев шорох».

(Под в 1937 г.)

* * *

Живу легко. Не мыслю и вперед,
Как о пирате, думать о собрате:
Моих грибов никто не соберет,
Моих стихов никто не перехватит.
Я не мудра и даже не хитра,
Но хитростями прочих не
прельщаюсь,

И, в лес уйдя хоть в полдень, хоть
с утра,

Порожняком домой не
возвращаюсь.

Мне что до тех, кто дальше
пробежал

Сшибать росу с серебряных
метличин?

Ведь первая прилесная межа
Уже маячит звездами лисичек!
А за межей – нарядный мухомор
С боровиком соседство обозначил,
И рыжиков сосновый коридор
Как от кого, а от меня не спрячет.
Не знаю тайн, не верю в

КОЛДОВСТВО,
К потусторонним силам не

Но всей душой природы естество

Люблю!

И нелюбимой не бываю.

(1862-1887)

ИДЕАЛ

Не говори, что жизнь – игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы.
Нет, жизнь - разумное стремленье
Туда, где вечный свет горит,
Где человек, венец творенья,
Над миром высоко царит.

Внизу, воздвигнуты толпою,
Тельцы минутные стоят
И золотою мишурою
Людей обманчиво манят;
За этот призрак идеалов
Немало сгибнуло борцов,
И льется кровь у пьедесталов
Борьбы не стоящих тельцов.

Проходит время, - люди сами
Их свергнуть с высоты спешат
И, тешась новыми мечтами,
Других тельцов боготворят;
Но лишь один стоит от века,
Вне власти суетной толпы, -
Кумир великий человека
В лучах духовной красоты.

И тот, кто мыслию летучей
Сумел подняться над толпой,
Любви оценит свет могучий
И сердца идеал святой;
Он бросит все кумиры века,
С их мимолетной мишурой,
И к идеалу человека
Пойдет уверенной стопой!